

Журнальное Обозрѣніе.

Леонид Андреев продолжает развлекать „почтеннейшую публику“. Развлекает так же, как один предприимчивый хозяин кабачка в горах развлекал международные туристско-розовые.

Скучает публика, соображать этот предприниматель, ловить ворон по верхам, недурно бы взвизгивать ей уставшие нервы — и тогда потешнее!

Нанимаетъ оборванца, привязываетъ его къ скалѣ, надъ обрывомъ, приказавъ ему изображать готоваго упасть и разбиться на смерть чело-вѣка.

Публика—повѣряетъ ея (наивности— не видитъ привази, двое сутокъ не можетъ раскусить обмана и разыгрываетъ простоватыхъ пошлѣхонцевъ.

Что при этомъ говорится и дѣлается, интересующіеся могутъ (узнать изъ шуточнаго представленія Леонида Андреева—Любовь къ ближнему" (см. № 11 „Современн. Мира“); намъ же не хочется повторять шутки новаго шутника...

Грубо, пошло все это, какъ въ современномъ балаганѣ—синематографѣ, но...

— Чѣмъ же я виновать, господа, оправдывается „хозяинъ“, почтеннѣйшая публика скучаетъ, надо развлечь ее.

И публика развлекается, высказывает всевозможныя догадки, глубокия замѣчанія, мысли, обнаруживаетъ бездну новыхъ неизвѣданныхъ чувствъ, переживаній, особенно яркихъ въ изложеніи главнаго репортера одной крупной европейской газеты.

Однако, привязанному начинают надоедать неумеренные восторги и ожидания, обманъ вскрывается и „шуточное представление“ порождает возмущенные крики туристов и лю-

безное общаніе хозяина въ слѣдую-
щій разъ... привязать такъ, что че-
ловѣкъ упадетъ навѣрное!

И вот — в следующий раз развертывается в кинематографическую ленту с новым зазывающим и обиходным жуткое развлечение, представляемое — „Черная маска“ (см. 7-ю книжку Алиманахов, „Шипов“).

...истикъ пая, что „почтеннѣйшая пу-
блика“ изъ городовъ владѣтъ на этотъ разъ
ожиданіемъ и запрова. И намъ уже
слышится палата аль робкій, но
все усиливающе бездѣлать...

Свистъ и протестъ, чистикъ съ титера-
турной балаганщицы, въ 2 мину-
ты феола уродливыхъ настроенъ, могутъ
внѣшнихъ идей.

Нельзя безнаказанно издеваться над эстетическими, художественными запросами „почтеннейшей публики“ держать ее мысли на короткой и грубой „привязи“ произвольных измышлений одного воображения и плохо продуманной фантазии.

Въ „Черныхъ маскахъ“ нѣтъ жизни, нѣтъ красоты, полное отсутствіе какой-либо идеи или настроенія.

Ни одного остроумнаго слова, и бездна авторских ремарокъ, прописывающихъ именно остроуміе, смѣхъ, громкій хохоть и веселіе.

Одна нелѣпость нагромождается на другую по рецепту балаганнаго петрушки; невѣроятная грубость и пошлость синьоровъ въ маскахъ—вся первая картина — чередуются съ скоморошескими восклицаніями юнаго герцога Лоренцо ди-Спадаро, похожаго въ изображеніи Андреева на размаленную, глупо и не въ дѣло ухмыляющуюся куклу.

А „Черныя маски?“ Кто и что онъ? Зачѣмъ онъ появляются и что должно означать появленіе этихъ „не званыхъ“ на балъ-маскараль? Этого не знаютъ (см. 3-ю картину) ни сами „черныя маски“, ни враждебныя имъ маски-синьоры, ни самъ авторъ, очевидно.

Герцогъ же Лоринго какъ-то
вскользь на минутѣ заинтересовался

ими и невиданной интересной борьбой между свѣтомъ и тьмою, а затѣмъ совершенно забываетъ о „Черныхъ маскахъ“, не слышитъ даже изступленныхъ криковъ синьоровъ въ маскахъ о защитѣ ихъ отъ „Черныхъ масокъ“.

Но и помимо всей этой сумбурности „представленія“, кажутся намъ праздными газетные разговоры о разрабатываемой будто бы въ „представленіи“ психологій раздвоенной личности. Гдѣ и въ чемъ проявилось это раздвоеніе въ личности герцога Лоренцо? Нигдѣ и ни въ чемъ.

Мы видимъ его веселымъ, безумцемъ уже въ первой картинѣ („а вамъ не жалъ немного безумнаго Лоренцо?“ спрашиваетъ одна изъ при сѣхъ). Но все время это—безумецъ, енно дѣльнымъ цѣльнымъ сознаниемъ.

„Ярныя маски“, повидимому, нисколько не касаются его, а тѣхъ, что маскируютъ якобы его паучье сердце и проч., онъ со смѣхомъ отвергаетъ, не признаетъ, считая воѣ эти „очаровательныя шутки“ клеветой... Гдѣ же раздвоеніе личности? Очевидно, это простая выдумка репортеровъ, не читавшихъ пьесы, маскировка пустоты новаго произведенія г. Андреева.

Какъ будто его „представленія“ и вообще всю школу „стиля модернъ“ имѣлъ въ виду знаменитый Висс. Бѣлинскій, характеризуя мнимо-художественныя произведенія, и до того мѣтко выразилъ онъ ихъ особенности, что мы приведемъ здѣсь это авторитетное мнѣніе:

„...Мнимо-художественныя произведенія, съ глубокой силой презрѣнія писаль въ 1838 г. Бѣлинскій: эти батарды искусства, эти красавицы по милости бѣлили, румяни, сурьмы и накладныхъ формъ; эти недосозданные Икары съ восковыми крыльями, эти жалкіе недовоски воображенія: въ нихъ все произвольно, и потому все несвободно, все условно, и потому все бессмысленно.

„Образы безъ лицъ, пародіи на дѣйствительность, безжизненные тру-

пы еще до рожденія — они иногда обольщаютъ призракомъ какой-то неестественной жизни, очаровываютъ призракомъ какой-то неестественной красоты, но горе тому, кто влюбится въ нихъ.

„Для него уже не будетъ доступна истинная, живая красота...

„И мы твердо держимся мысли, что обманываться (призраками) могутъ индивиды, а не общество, и что, если для него и существуетъ возможность обмануться, то очень ненадолго, и въ такомъ случаѣ, чѣмъ живѣе было его увлеченіе, тѣмъ безпощаднѣе будетъ его мщеніе за него, чѣмъ громче были его минутныя рукоплесканія, тѣмъ провозительнѣе будетъ его свистъ...“

Для г. Л. Андреева проходить, если уже не прошла, эта пора увлеченія.

Свистъ слышится въ этой разномосицѣ его поклонниковъ при оцѣнкѣ его позднѣйшихъ произведеній, причемъ наиболѣе искренніе откровенно признаются, что „мы не нашли идеи“, вложенной творцомъ въ его твореніе. Это, по нашему мнѣнію, самый обидный для автора свистъ — недоумѣніе.

И новый свистъ раздался, когда московскій Художественный театръ Станиславскаго отвергъ и возвратилъ г. Андрееву и „Дни нашей жизни“ (Любовь студента), и „Лоренцо“ тѣ же „Черныя маски“).

Наконецъ, самый послѣдній свистъ — пропестъ части зрительнаго зала при постановкѣ „Черныхъ масокъ“ въ петербургскомъ театрѣ Комиссаржевской.

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего неожиданнаго. Въ обществѣ теряютъ кредитъ упадочныя настроенія, и Леонидъ Андреевъ раздѣляетъ общую судьбу всѣхъ упадочниковъ.

Циники-пессимисты, о которыхъ писалъ М. Горькій (въ „Литературномъ распадѣ“), отживаютъ свой вѣкъ. И слава Богу!

II.

Въ той-же 7-й книжкѣ Альмана-

ховъ „Шиповникъ“ появилось, наконецъ, продолженіе „Новыхъ чаръ“ Ф. Сологуба. Но такъ какъ эта вещь („Капля крови“) имѣетъ свой особый специфическій ароматъ „для любителей“, то мы предпочитаемъ о ней не говорить.

Замѣтимъ только, что г. Андреевъ имѣетъ своимъ сосѣдомъ романиста, въ писаніяхъ котораго многія страницы надо перевертывать въ перчаткахъ...

Въ послѣдней книжкѣ „Русск. Мысли (№ 11)“ напечатана сезонная драма кн. Сумбатова „Вожди“.

Живая, умная картина кусочка русскаго „освободительнаго движенія“ — той лабораторіи, гдѣ вырабатывались проекты „благъ“ для народа, „примочки“ на больной организмъ родины.

Разумѣется, драма не лишена нѣкоторыхъ недостатковъ, какъ въ общей перспективѣ картины, тиснутой въ узкій рамки единоличныхъ дѣйствій (безъ массоваго движенія, сыгравшаго въ данномъ случаѣ безъ сомнѣнія крупную историческую роль), такъ и въ обрисовкѣ отдѣльныхъ характеровъ; преувеличенно комичны Комбаджю и Рудицкій, въ то время, какъ другіе „вожди“ — Темерицкій и публицистъ-телеграфистъ отмѣчены чертами отчасти демоническихъ и роковыхъ натуръ.

Вообще же всѣ дѣйствующія лица драмы отчетливо врѣзываются въ память, каждая съ своей особой индивидуальной жизнью.

Въ Москвѣ вышла первая книжка новаго сборника „Слово“, подъ редакціей Кушенинникова.

Съ интересомъ читаются помѣщенные въ сборникѣ письма Н.П. Огарева, относящіеся къ его первой женѣ. По справедливому замѣчанію г. Герцензона, въ романѣ Огарева „съ рѣдкой наглядностью — по крайней мѣрѣ одной своей стороною — отразилось умственное движеніе цѣлой эпохи тридцатыхъ годовъ“.

Письма написаны красивымъ языкомъ, дышатъ идеализмомъ любви и дружбы, трогаютъ лирическими от-

ступленіями къ созерцанію природы и прекраснаго Божьяго міра, а также глубоко волнуютъ мучительной борьбой, которую переживаетъ Огаревъ при коллизіяхъ дружбы и любви, при столкновеніяхъ его жены съ его друзьями.

Рядомъ съ этимъ романомъ всѣ другія вещи, вошедшія въ сборникъ, теряютъ, конечно, очень много.

Изъ „стиховъ“ сборника обращаютъ на себя вниманіе четыре „Пѣсни о хлѣбѣ“ А. Федорова. Прекрасна первая пѣснь, которую мы здѣсь и приводимъ:

О, живое молчанье созрѣвшихъ
хлѣбовъ!

Кротость лѣтней ночной тишины!

Есть великая тайна созвучій безъ
словъ;

На землѣ есть небесные сны.

Погляди — тамъ идутъ. Погляди

— тамъ поютъ.

Никого: небеса да поля.

Это звѣзды пѣсни и образы ткутъ;
Это молится Богу земля.

Межъ хлѣбами дорога идетъ, а
куда —

Я не знаю: все тайна вокругъ, —

Каждый колосъ и кустикъ, и въ
небѣ звѣзда,

Каждый шорохъ и трепель и звукъ.

Погляди, — тамъ живутъ. Погоди, —
тамъ зовутъ.

Никого. Это мѣсяцъ поникъ,

Это дышитъ во снѣ человѣческій
трупъ,

Это ночь открываетъ тайникъ.

И вселенскую душу я чую душой,

Въ числахъ звѣздъ проявилась
судьба.

Миръ вамъ пахари нивы! Я братъ
вашъ меньшой,

Я должникъ вашъ, святые хлѣба.

Погоди, — тамъ встаютъ. Погоди —
тамъ куютъ.

Никого. Это цѣпи на мнѣ.

Это звѣзды творятъ надо мною свой
судъ

И даютъ отпущенье винъ.

III.

Въ послѣдней книжкѣ журнала „Вопросы философіи и психологіи“ напечатана интересная статья спе-

ціалиста-математика на тему: „Психологія математического мышленія.“

Спеціаліст-математикъ приходить къ крайне поучительнымъ выводамъ относительно педагогическаго значенія преподаванія математики.

„Мы не можемъ, говоритъ онъ, называть математическій умъ умомъ высшей цѣнності“ (какимъ является умъ философскій). И далѣе: „Математическія способности—ненадежное мѣрило цѣнності ума.“

Специфическій характеръ математической способности дѣлаетъ математику доступной не всѣмъ: нѣкоторый и довольно большой процентъ ея совершенно не понимаетъ, у нѣкоторыхъ изученіе ея почти сводится къ одному заучиванію математическихъ дѣйствій.

Чисто интеллектуальный ея характеръ, не говорящій ничею чувству, дѣлаетъ ее интересной крайне ограниченному кругу учениковъ.

Такимъ образомъ, не всѣ ею могутъ заниматься и очень немногіе желаютъ ею заниматься.

Поэтому въ общемъ циклѣ преподаванія въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ, (а таковыми должны быть среднія учебныя заведенія), математическія науки не должны представлять основу общаго средняго образованія (курсивъ математика-спеціалиста).

Отсюда, намъ кажется, самъ собой напрашивается выводъ, что и требованіе отъ всѣхъ семинаристовъ при поступленіи въ университеты (безразлично на какой факультетъ) сдать дополнительнаго экзамена по математикѣ не оправдывается значеніемъ ея общеобразовательнаго характера, каковой приведенными замѣчаніями за ней отрицается, являясь въистѣ съ тѣмъ для многихъ трудно преодолимымъ препятствіемъ на пути къ высшему образованію.

Впрочемъ, этотъ послѣдній вопросъ издавна былъ у насъ скорѣе вопросомъ политики, чѣмъ педагогики.

П. В—ія.